

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.34

JEL: E00, O11, P20, P26, P30

Гжегож В. Колодко

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД К РЫНКУ И ДЕМОКРАТИИ: УРОКИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕГО ПОЛЬСКОГО ОПЫТА

Идея стратегии, подходящей для перехода Польши к рыночной системе, рождалась в течение многих лет. В то же время конкретная "Стратегия для Польши" – многоуровневая программа динамичного социально-экономического развития, встроенная в систему институтов социальной рыночной экономики и структурных реформ как ответ на вызовы глобализации – возникла достаточно быстро, на рубеже 1993–94 годов. Это была среднесрочная программа, в которую, тем не менее, также включены многие задачи на долгосрочную перспективу. Сформулированные выводы ("диагноз") по условиям устойчивого развития и определения его долгосрочных целей были в основном верными, и большая часть сделанных четверть века назад предложений как по структурным реформам и институциональным изменениям, так и по детерминантам внутреннего и внешнего развития, остаётся в силе и сейчас. Это касается, в частности, таких масштабных тем, как необходимость создания социальной рыночной экономики или конкурентоспособность предприятий в условиях широкой открытости для контактов с внешним миром. А также таких важных вопросов, как выгодная интеграция с Европейским Союзом или реформа системы социального обеспечения, и ряда специфических вопросов, включающих эффективный финансовый надзор или развитие экономики знаний. Критическое значение для дальнейшего устойчивого и сбалансированного развития заключается в обосновании экономической политики на основе правильной экономической теории, и в этом контексте некоторые свежие идеи может дать концепция нового прагматизма.

Ключевые слова: постсоциалистическая трансформация; реальный социализм; социальная рыночная экономика; экономическая политика; стратегия развития.

Экономика и политика посткоммунистического перехода к рынку и демократии. Уроки польского опыта.

Вступительные замечания

Хотя идея посткоммунистической стратегии для Польши рождалась в течение многих лет, сама "Стратегия для Польши" – рассчитанная на несколько лет многосторонняя программа динамичного социально-экономического развития, встроенная в систему институтов социальной рыночной экономики и структурные реформы как ответ на

Колодко Гжегож Витольд возглавляет исследовательский институт "TIGER" (Transformation Integration and Globalization Economic Research) в Университете Козьминского.

© Г. Колодко, 2019

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2019. № 2: 75–98

вызовы глобализации – была сформулирована достаточно быстро, на рубеже 1993–1994 годов. В политическом смысле это была среднесрочная программа, содержащая точную формулировку мер, которые было необходимо провести в 1994–97 гг., но в ней также были определены и многие задачи на последующие годы. С экономической точки зрения это была попытка принять долгосрочные вызовы. Неотъемлемой частью "Стратегии для Польши" были также "Пакет 2000", в котором был изложен план фискальных реформ, некоторые из которых были потом реализованы, и "Евро 2006", программа, указывающая направления деятельности, которые должны были подготовить Польшу к вступлению в зону единой европейской валюты после 2006 года (Kolodko, 1996). Однако этого не сделано до сих пор.

Тогдашний диагноз условий устойчивого развития и определение его долгосрочных целей были в основном верными, и большая часть того, что четверть века назад было посвящено структурным реформам и институциональным изменениям, с одной стороны, и внутренним и внешним факторам развития, с другой стороны, остаётся актуальным и сейчас. Это относится ко многим важным вопросам – от необходимости создания социальной рыночной экономики и конкурентоспособности предприятий в условиях открытой экономики до выгодной интеграции с Европейским Союзом, реформы системы социального обеспечения и таких конкретных вопросов, как эффективный финансовый надзор или развитие экономики знаний.

Однозначно оценить точность этой концепции реформ и развития всё ещё очень сложно, хотя сейчас, по прошествии времени, такие оценки могут быть более объективными. Имеющиеся оценки очень различны – как по многим аспектам самой данной программы, так и по явлениям и процессам, происходившим на различных этапах её реализации. И это важно, потому что более ранние события (и упущения) во многом определили характер "Стратегии для Польши", а последующие события стали – в разной степени – её последствиями. В то время как некоторые (это политика!) считают период с 1989 по 2015 годы потерянным временем, по мнению других, последние три десятилетия были для Польши экономическим "золотым веком" (Piatkowski, 2018). Что ж, для абсолютно объективной оценки – если она вообще возможна – нам придётся ждать намного дольше, пока её не даст сама история. И это происходит только тогда, когда уходит последний свидетель. Тем не менее, у нас по-прежнему всё хорошо, и пусть это продолжается как можно дольше ...

Источники "Стратегии для Польши"

В исторических процессах – а таковой, безусловно, и является системная трансформация, состоящая в переходе от авторитарной однопартийной системы и более или менее "про-реформенной" и реформированной социалистической экономики, основанной на господстве государственной собственности, к политическому плюрализму и либерализованной и открытой капиталистической экономике, основанной на господстве частной собственности – всегда присутствуют и преемственность, и перемены. Пропорции, сила и векторы зависят от исторического контекста, в котором большую роль играют геополитика и геоэкономика, а также культура. В случае постсоциалистической трансформации диалектика преемственности и перемен

также очень особенная, потому что текущие трансформации чрезвычайно концентрированы во времени.

Нам кажется, что некоторые изменения делятся долгие годы или даже вечно, но история оценивает это иначе. В данном случае изменения, которые произошли в жизни одного поколения, действительно фундаментальны и огромны. И, что самое главное, и в основном и в конечном итоге эти изменения были положительными. Оглядываясь на последние десятилетия, кажется, что мы склонны переоценивать масштабы изменений и недооценивать преемственность, и именно их соотношение определяет современные проблемы и вызовы будущего. Здесь трудно делать правильные шаги, если вы не понимаете, что произошло и почему. Чем была в этом коротком, но бурном историческом периоде "Стратегия для Польши" – всего лишь коротким четырёхлетним эпизодом? Отнюдь нет; её значение намного больше.

"Стратегия для Польши" сформировалась из нескольких источников. Конечно, это знания экономической теории для данного периода, особенно в сфере сравнительной экономики, и глубокий анализ достижений и неудач структурных реформ в других странах – от успехов в Японии и Южной Корее (*World Bank, 1993*) до неоднозначных результатов в Чили и очевидных провалов в Аргентине (*Dornbusch, Edwards, 1989*). Прежде всего это было связано с критическим наблюдением за рыночными реформами, проведёнными в более ранние периоды, даже в годы социалистической экономики (*Ellman, Gaidar, Kolodko, 1993*), и особенно с желанием не повторять ошибок начальных лет политических преобразований, 1989–93 гг., прежде всего так называемой "шоковой терапии" 1990–91 гг. (*Rosati, 1994*).

"Стратегия для Польши", как и любая другая правительственная программа реформ и развития до и после неё, характеризовалась сложностью почти по всем существенным аспектам функционирования экономики. Программа опиралась на следующие четыре основания:

- быстрый рост,
- справедливое распределение,
- выгодная интеграция,
- эффективное государство.

Начиная с краткосрочного периода, красной нитью проходила задача придания экономике высокой динамики. Это было полностью достигнуто, потому что не только в годы политических преобразований, но и в течение последних сорока пяти лет – начиная с середины 1970-х годов – не было другого периода с такими высокими средними темпами роста¹. В 1994–1997 годах реальный (с учётом инфляции) ВВП на душу населения увеличился на целых 28%, что означает среднегодовой уровень в 6,3%². С другой стороны, с точки зрения долгосрочной стратегии – после четырёхлетнего периода 1989–93 годов,

¹ Конечно, здесь следует сделать оговорку о неполной сопоставимости показателей экономического роста в периоды до и после 1989 года, но, безусловно, в отношении категории ВВП четырёхлетний период с наивысшими темпами роста – это как раз годы реализации "Стратегии для Польши", то есть 1994–97 гг.

² В квартальном выражении (по сравнению с тем же кварталом предыдущего года) самый быстрый рост ВВП был зафиксирован во втором квартале 1997 года, когда он составил 7,5%. Такой высокий темп роста с тех пор не был достигнут ни разу.

когда польский неолиберализм смешивался с популизмом "Солидарности", речь шла уже о создании основ для социальной рыночной экономики. Причём именно только основ, потому что полноценная социальная рыночная экономика создаётся не за один парламентский срок, а за время, более длительное, чем одна смена поколений. Так что эта задача ещё впереди, потому что мы хотели создавать не просто какую-нибудь рыночную экономику, а хорошую рыночную экономику. Интересно, что в других случаях говорилось, что задача построения рыночной экономики уже выполнена, когда до её выполнения было намного дальше, чем в Польше, – как это было в середине 1990-х годов в России (Aslund, 1995). Что это за "рыночная экономика" – мы это можем видеть сегодня.

Об эволюции системы в направлении социальной рыночной экономики было объявлено в соглашениях круглого стола тридцать лет назад³. Однако до сегодняшнего дня даже в теории нет ясности, что под этим подразумевается, и, конечно, дебаты по этому вопросу в политической сфере никогда не прекращаются. Без сомнения, в Польше и других постсоциалистических странах, наполнение этой теоретической и политической категории реальным содержанием должно отличаться, особенно на ранней стадии системной трансформации, от характеристик социальной рыночной экономики в тех странах, где она процветала больше всего – у северных социал-демократов (Castels, 1978; Iversen, 1998) или в немецком "ордолиберализме".

В Конституции Польши, принятой в 1997 году, в статье 20 говорится: *Основу экономической системы Республики Польша составляет социальная рыночная экономика, основанная на свободе экономической деятельности, частной собственности и солидарности, диалоге и сотрудничестве социальных партнёров (Konstytucja, 1997)*. Однако в последующие годы не было такого, чтобы какой-либо закон был действительно обжалован в Конституционном трибунале как неконституционный из-за противоречия с этими положениями. Через пять месяцев после круглого стола социальная рыночная экономика была декларирована премьер-министром Тадеушем Мазовецким в его историческом выступлении в сентябре 1989 года. Однако из-за экономической политики, проводимой им и его преемниками, реальность пошла совсем в другом направлении. Интересно, что в то время, с четвёртого квартала 1989 года до конца 1991 года, экономическая политика основывалась не столько на декларации Мазовецкого, сколько на концепции, вытекающей из неолиберального Вашингтонского консенсуса (Frydman, Kolodko, Wellisz, 1991, Williamson, 1992, 2005), ещё более радикализованного Лешеком Бальцеровичем и его местными и зарубежными советниками (Sachs, 1993).

В этом контексте стоит вспомнить замечания, сделанные Джоном Уильямсоном, который придумал термин "вашингтонский консенсус" (Williamson, 1990). Он писал:

Мне было особенно приятно, что Вы попытались определить альтернативный подход к так называемому "большому взрыву"

³ Переговоры в рамках данного круглого стола продолжались с 6 февраля по 5 апреля 1989 года. В результате 4 июня состоялись выборы в парламент, а 12 сентября того же года было назначено правительство премьер-министра Мазовецкого.

в форме более тщательного программирования отдельных элементов политики, а не общего замедления ("градуализма"). В отношении конкретных аспектов, в том числе протекционизма и приватизации, я согласен с Вами постфактум, и на самом деле я мог бы согласиться и тогда (... Но я должен честно признаться, что если бы я был на месте Бальцеровича, возможно, я не смог бы создать пакет, который бы определял направление реформ).

Ретроспективно я думаю, что Польше это было нужно в то время и заложило основы для успеха Вашего периода работы в правительстве. Возможно, Вам пришлось немного пострелять, чтобы позволить Вашим политическим партнёрам облегчить эмоциональное примирение с фактом, что мир меняется. И, возможно, даже позволить им скорректировать свои ожидания и, в результате, подготовить их к дальнейшим переменам. Это напоминает мне ситуацию в моей стране: я чувствую себя намного лучше с Тони Блэром, чем с миссис Тэтчер в качестве премьер-министра, но я не уверен, что он бы был сегодня у нас, если бы раньше у нас не было её (Kolodko, 2000. P. 38).

С одной стороны, это так; "Стратегия для Польши" была бы невозможна без достижений и ошибок предыдущих периодов, особенно так называемой "шоковой терапии". Именно достижений, потому что, безусловно, вытаскивание экономики из предыдущего состояния системной "дефицитофляции" (Kolodko, MacMahon, 1987) и окончательный вывод её на рыночный путь были значительными достижениями. С другой стороны, ошибок, как и большей части понесённых социальных, финансовых и материальных издержек, можно было избежать.

Мы говорим "так называемой шоковой терапии", потому что хитрый термин "шоковая терапия" объединил эти два слова в одно, намекая, что когда есть шок, это также терапия, которая обычно связана с чем-то действенным, несущим изменение к лучшему. Но это совсем не так; так не обязательно должно было случиться, и на самом деле этого и не случилось. Согласно заявлениям правительства, рецессия должна была быть недолгой, так как после снижения ВВП всего на 3,1 процента в 1990 году этот показатель должен был снова начать расти. Однако фактически производство снижалось в течение следующих 12 кварталов, с середины 1989 года⁴ до середины 1992 года. В результате этого спада и при других, в иных обстоятельствах желательных, изменениях в реальной сфере экономики (ликвидация неэффективных государственных предприятий) безработица должна была повыситься до 400000 человек и в дальнейшем больше не расти. К сожалению, эта цифра была во много раз большей, превысив катастрофические 3 миллиона, и начала падать только во время реализации "Стратегии для Польши". При "шоковой терапии" инфляция должна была составить один процент (в месячном выражении⁵) уже через три месяца, а в реальности этот срок был растянут до семи лет благодаря проводившейся в дальнейшем последовательной – не шоковой – политике стабилизации.

⁴По оценкам, в критическом 1989 году ВВП вырос на 0,2 процента, а во второй половине года, особенно в четвёртом квартале, он уже падал.

⁵Ежемесячная инфляция в один процент (месяц к предыдущему месяцу) соответствует повышению общего годового уровня цен на 13,8%, что произошло только в конце 1997 года.

Дисбаланс в экономике, в частности на рынке потребительских товаров, был в 1989 году огромным, что, с одной стороны, сильно затруднило проведение необходимых реформ, но, с другой стороны, наконец, – в обстановке внутреннего и международного политического прорыва – позволило продвинуться в реализации правильных структурных и институциональных изменений. То, что раньше было невозможно либо из-за нежелания правительства, либо из-за внутренней и внешней политически мотивированной блокады, теперь оказалось возможным. Конечно, масштаб неопределённости был беспрецедентным, но это была не та неопределённость, которая приводит к огромным расхождениям между намерениями и реальными последствиями. Это были не ошибки прогноза, а ошибки концепции, которая основывалась на несовершенной экономической теории, – доминирующей тогда на Западе доктрине неолиберальной экономики, которая сильно переоценила механизмы саморегулирования рынка и недооценила регулируемую роль государства и значение институтов в экономических процессах. Это были также ошибки в реализации реформ, которые были сделаны как по причине догматизма и доктринального подхода, так иногда и по причине чрезмерного усердия политиков. Добавим, что иногда причиной была и самая обычная наивность, негативные последствия которой усиливаются в бурные периоды, а в данном случае такой бурный период растянулся на многие годы.

Почему так случилось? Дело в том, что "шоковая терапия" в своей существенной части была не только плохо продумана – была допущена недооценка институциональных и социальных аспектов трансформации (Poznanski, 1997), но была также и плохо реализована. Огромной ошибкой стала быстрая либерализация внешней торговли, которая привела к наводнению внутреннего рынка импортными товарами, к которым экономика не была готова. Очевидно, что меры политики стабилизации были чрезмерными, особенно в 1990–1991 гг. (Kolodko, 1992b), когда процентные ставки были непомерными, и, что хуже всего, они были таковыми также и по кредитам, полученным компаниями в предыдущий период. Девальвация злотого была чрезмерной, а обменный курс злотого поддерживался – без необходимости – сначала по отношению к доллару США, а затем – по отношению к пятивалютной корзине.

Непомерным было бремя для предприятий со специальным налогом, налагаемым на увеличение номинальной заработной платы. Так называемый *porówiek*, который обоснованно использовался в качестве инструмента антиинфляционной политики в предыдущий период, стал инструментом злоупотреблений из-за его нерационального использования, которое тем не менее выглядело "политкорректным", так как было направлено только на государственные предприятия, преднамеренно увеличивая их трудности. Неудивительно, что в те времена в Польше происходили необычные вещи – результатом такой политики стали забастовки на государственных предприятиях, персонал которых требовал приватизации, потому что с частных компаний не взимался *porówiek*. Профсоюзным активистам "Солидарности" не хватало воображения, чтобы увидеть более отдалённые во времени последствия такой ускоренной приватизации, а неолиберальные экономисты и политики просто мало заботились о негативных социальных последствиях (Ost, 2005).

Примечательно, что довольно много выдающихся экономистов, которые сначала на волне Вашингтонского консенсуса поддерживали быструю приватизацию, впоследствии изменили свое мнение. Например, лауреат Нобелевской премии по экономике Эдвард С. Прескотт, справедливо подчёркивая решающее значение повышения конкурентоспособности и динамики производства, оценивая последствия преобразований при темпе, предложенном "Стратегией для Польши", считает, что реальность доказала правильность выбранного пути. Он пишет:

Ваша статья 2009 года "Две трети успеха. Посткоммунистическая трансформация Польши в 1989–2009 гг." – это классика. Вы так хорошо описываете эту замечательную трансформацию.

Польша сейчас является развитой индустриальной страной и скоро сократит отставание от своих западных соседей и, возможно, обгонит их. (...) Вы правы в том, что приватизация не является панацеей и что она должна осуществляться таким образом, чтобы повысить экономическую эффективность, как это было сделано в Польше (выделено автором цитаты. – Prescott, 2019).

Поэтому старт "Стратегии для Польши" был очень сложным. С одной стороны, мы были богаче не только за счёт наследия рыночных реформ 1980-х годов, но, прежде всего, за счёт достижений и опыта 1990–93 годов. С другой стороны, мы были беднее – в буквальном смысле, потому что уровень производства, унаследованный после этого периода, был намного ниже, чем в 1989 году. Это факт, что тогда падение ВВП – почти на 20% – было меньшим, чем в любой другой стране, проходящей постсоциалистическую трансформацию (Kolodko, 2000, 2002), но не потому, что "шоковая терапия" работала, как планировалось, а потому, что Польша, не считая Венгрии, была лучше всех социалистических стран подготовлена к рыночным преобразованиям. Доля частного сектора в ВВП уже составляла почти 20%; в середине 1989 года около половины рыночных поставок (по текущей стоимости) происходило по свободным ценам; существовала двухуровневая банковская система с отдельным центральным банком, НБП, и сетью коммерческих (хотя всё ещё находящихся в государственной собственности) региональных банков; был легальный валютный рынок; существовали институты, предназначенные для противодействия монополиям, позволяющие банкротство неэффективных предприятий и регулирующие приток прямых иностранных инвестиций. С сегодняшней точки зрения всё это было в зачаточном состоянии, но три десятилетия назад это была важная предпосылка рыночной экономики, которой не было ни в одной другой стране региона, кроме Венгрии.

Особенность искажённой социалистической экономики в виде финансовых ресурсов населения и предприятий также способствовала меньшим, чем в других странах, масштабам переходного спада в Польше. Сбережения домашних хозяйств в иностранной валюте, а также открытые или частично скрытые ресурсы внешнеторговых фирм, которые ранее были неактивными, были задействованы и стали использоваться для ускорения оборота средств. Этот фактор практически никогда не встречался в таких странах, как Болгария и Румыния или Беларусь и Украина.

Никакой "Стратегии для Польши" не было бы без тех краткосрочных и долгосрочных исторических процессов, которые ей предшествовали. И она бы не появилась в той форме, в которой появилась

в реальности, без тех оживлённых академических и политических дебатов, которые происходили на протяжении предыдущей более чем четверти века. Однако у нас как не было теории постсоциалистической трансформации, когда она была наиболее востребована, так нет её и сейчас – в зрелой и последовательной форме. Это домашнее задание ещё только предстоит выполнить. Тем не менее было написано много важных работ, проведены многочисленные анализы и исследования, которые нельзя недооценивать, потому что они внесли большой вклад в возникающие теоретические и практические концепции.

Но эти концепции не стали бы "Стратегией для Польши", если бы не группа технократов, которые пришли из университета в политику. Их вклад в реализацию намеченных задач был велик и не пересекался с борьбой за власть, её сохранение или завоевание, что, с одной стороны, является сущностью политики, а с другой - её позором. Для команды, реализовавшей данную программу, смысл политики был не в силе, а в решении социально-экономических проблем. Чтобы сделать это возможным, необходимо было сломать существующую жёсткую бюрократическую и отраслевую систему и, как вскоре выяснилось, также и политическую. Не всем заинтересованным группам и их сторонникам в СМИ это понравилось, но была проведена реформа экономической структуры правительства, которая упростила экономический контроль в децентрализованной функциональной системе, а не управление в централизованной бюрократической системе. Были назначены специальные "проблемные команды" – межведомственные, усиленные профессионалами, не входящими в государственные администрации, а также независимыми консультантами, которые отвечали за координацию задач, сформулированных в так называемых ключевых программах. Это ослабило политическую позицию многих министров. Некоторые наблюдатели говорили о "дворцовом перевороте", произошедшем во дворце Совета министров. Но это был не переворот, это были разумные структурные и институциональные изменения в лучшую сторону.

Квадратура пятиугольника

В обстановке критического анализа чрезмерно радикальной политики либерализации и стабилизации начала 1990-х годов была разработана аналитическая и программная концепция так называемого пятиугольника макроэкономической стабилизации (Kolodko, 1994). Однако решение стоящих перед нами проблем было более сложным, чем "квадратура пятиугольника". Самое интересное, что нам это во многом удалось.

Само понятие пятиугольника было взято из попытки упрощённой количественной оценки чрезвычайно сложной с практической точки зрения проблемы динамического макроэкономического равновесия. Этого не удавалось достичь во время недостаточно радикальных реформ более ранних периодов, или же это было невозможно из-за чрезмерно радикальной политики "шоковой терапии". Кроме того, мешало отсутствие комплексного подхода. Проводившаяся в начале 1990-х годов политика стабилизации была чётко направлена на снижение масштабов инфляции и на достижении сбалансированного бюджета, как будто все забыли, что каждое действие вызывает реакцию. В данном случае такая реакция возникла в ответ на изменения

в сфере реальной экономики, особенно в отношении масштабов производства и уровня занятости. В результате – хотя ни инфляция не была снижена до запланированного уровня, ни бюджет не был сбалансирован – спад оказался намного глубже, чем ожидалось, а безработица была намного выше. Результаты были также хуже с точки зрения внешнего финансового дисбаланса, что выразилось в дефиците текущих операций.

В экономической литературе хорошо известен так называемый индекс нищеты, который представляет собой простую сумму инфляции и уровня безработицы. Он был выведен на основе так называемой "кривой Филипса", которая описывает взаимосвязь инфляции и безработицы (*Phillips, 1958*), для того чтобы показать грустную реальность не так односторонне, как это делают отдельно индекс инфляции и индекс безработицы. Упрощённо проблема состоит в том, что чем выше инфляция, тем ниже безработица (по крайней мере в краткосрочной перспективе) и наоборот. Но "шоковая терапия", казалось, игнорировала рост уже и так очень высокой безработицы, рассматривая её просто как побочный эффект (конечно, "правильной") политики финансовой стабилизации.

Пятиугольник макроэкономической стабилизации относится не только к соотношению инфляции и безработицы – он одновременно показывает, что, вопреки краткосрочной кривой Филипса, на пути экономического роста могут одновременно снижаться и уровень безработицы, и уровень инфляции. Важными и требующими одновременного рассмотрения в каждый момент времени являются соотношения данных двух измерений с тремя другими макроэкономическими категориями: темпами роста доходов, дисбалансом государственных финансов и внешним дисбалансом⁶. Вот откуда берутся вершины пятиугольника – темпы роста ВВП (GDP), уровень безработицы (U), уровень инфляции (CPI), отношение баланса государственного бюджета к ВВП (G) и сальдо счёта текущих операций к коэффициенту ВВП (CA). И их удалённость от его центра информирует нас о состоянии экономики. Калибровка такого показателя требует принятия определённых допущений и упрощений, но это осуществимо. И мы получаем, хотя и приблизительную, но гораздо более многостороннюю картину, чем наблюдение отдельно за каждым из этих пяти показателей в отрыве от других и с риском переоценки одних показателей (с большим удельным весом) и недооценки других (с меньшим).

Отдавая себе отчёт в условности такого сложного показателя, следует признать, что отслеживание одновременных сочетаний его параметров (конструктивных элементов) позволяет проводить сравнения и оценки макроэкономической ситуации. Таким образом, при данном подходе мерой экономического прогресса является не сам факт наличия равновесия/неравновесия и не его динамика сама по себе, а именно динамическое социально-экономическое равновесие. И от результатов измерений конкретных параметров зависит направление изменения экономической ситуации. Другими словами, то, что

⁶ Я говорю о дисбалансах, а не о балансах, так как последние на практике случаются только в сверхкоротком периоде, потому что почти всегда имеется или дефицит (чаще), или профицит (реже). Баланс – это концепция учебника или точка в компьютерной модели, но не экономическая реальность.

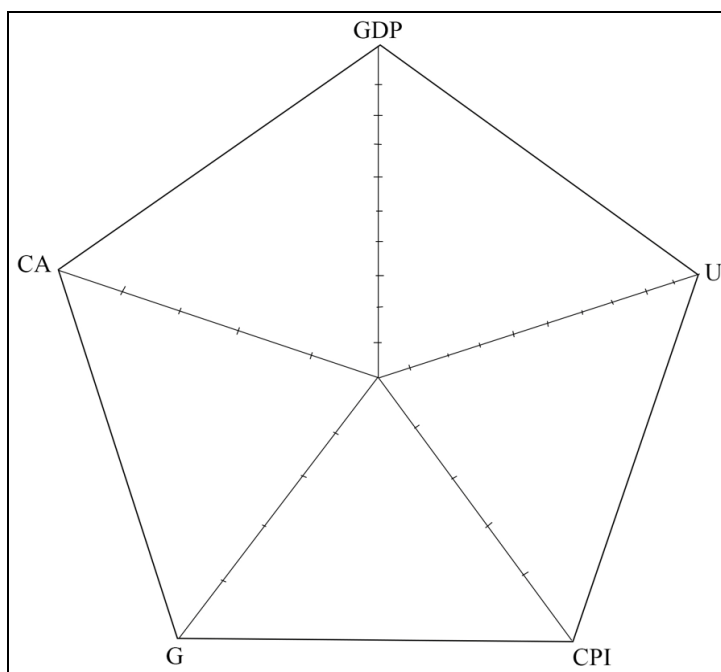

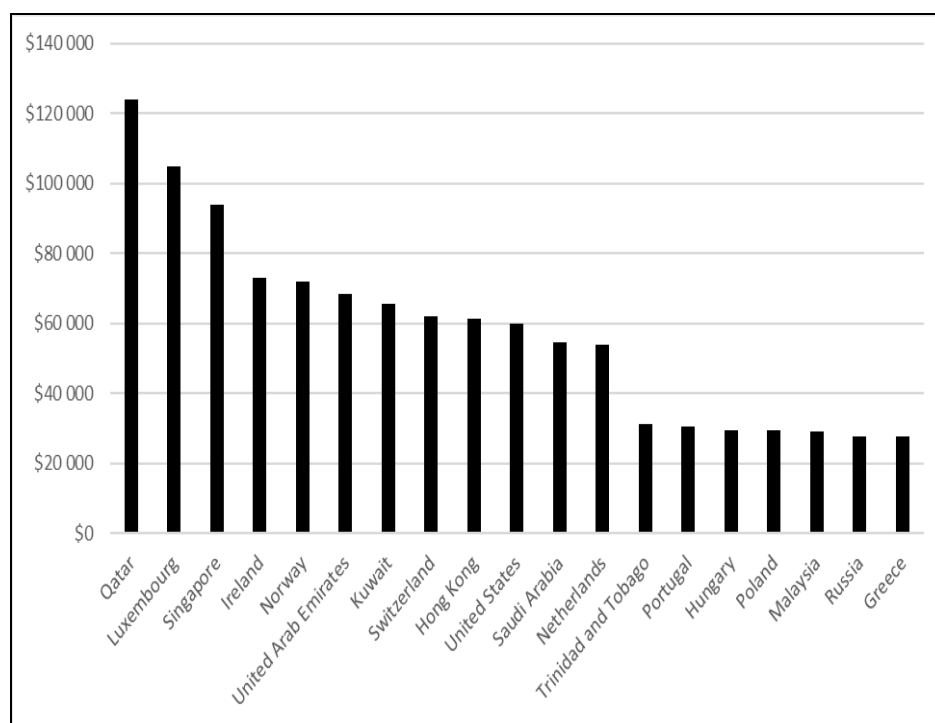
Диаграмма 1. Пятиугольник макроэкономической стабилизации

Источник: построено автором.

делается в экономической политике, зависит от того, чего вы хотите этим достичь. В этом отношении "Стратегия для Польши" стала значительным шагом вперед. Она не только переформулировала общую цель переходного периода, направив его на достижение, в долгосрочной перспективе именно социальной рыночной экономики, но и комплексно подошла к вопросу о динамическом макроэкономическом равновесии в среднем и коротком периоде.

Можно объяснить и то, что, при всём новаторском характере комплексной оценки на основе пятиугольника, тем не менее с точки зрения *ex post*, с точки зрения современности было бы гораздо лучше использовать другие параметры развития. Объяснение состоит в том, что, к сожалению, четверть века назад давление приоритетных задач и скопление проблем, с которыми пришлось столкнуться, было настолько велико, что на это тоже не хватало ни времени, ни энергии. Кроме того, постепенно входящие в практику альтернативные показатели развития были тогда вообще неизвестны или находились на ранних этапах концептуализации. Это относится, например, к показателю скорректированного на неравенство индекса человеческого развития (Adjusted Human Development Index, IHDI), потребность в использовании которого в настоящее время значительно повысилась. Его использование значительно расширяет область критического наблюдения за ходом процесса социально-экономического развития, позволяя при этом сравнивать ситуацию во времени и пространстве. Поскольку мы уже находимся в пост-ВВП ситуации (Kolodko, 2001, 2014a), нам также необходима пост-ВВП экономическая теория и разработанные на её основе пост-ВВП инструменты экономической политики для оценки и измерения масштаба происходящих изменений.

В литературе, посвящённой этой теме, предлагаются различные показатели социально-экономического развития, но пока ни один из них не стал доминирующим. Существуют, например, целостные индикаторы, в течение многих лет успешно используемые в небольшом и всё ещё бедном Бутане⁷, индекс валового национального счастья (*Gross National Happiness index, GNH* (<http://www.gnhcentrebhutan.org/what-is-gnh/>)), индекс процветания Legatum (*Legatum Prosperity Index* (<https://www.prosperity.com/rankings>)), согласно которому Польша находится на 33-м месте после Уругвая, Коста-Рики и Словакии, и впереди Италии, Южной Кореи и Литвы. По оценённому ОЭСР Индексу благосостояния, (*Well-Being Index* <http://www.oecdbetterlifeindex.org/#/111111111111>), Польша расположена между Израилем, Италией и Словакией, где немного лучше, и Португалией, Южной Кореей и Латвией, где немного хуже. В нашей стране также был разработан подобный сводный индекс – не только для оценки, но и для корректировки социально-экономической политики. Это индекс сбалансированного развития, BDIby, Университета Козьминского; (Kozmiński, Noga, Piotrowska, Zagyrski, 2015). К сожалению, у нас всё ещё преобладают оценки состояния экономики сквозь призму ВВП, что часто отвлекает внимание от других важных вопросов и искажает политику развития.

**Диаграмма 2. ВВП на д.н. (2017),
с учётом паритета покупательной способности**

Источник: UNDP.

⁷ ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности в Бутане составляет около 9 000 долларов США, в то время как в Польше он составляет около 30 000 долларов США, а в США - в два раза больше.

При сравнении по этому показателю (с ВВП на д.н., рассчитанному с учётом паритета покупательной способности) Польша занимает лишь 67-е место в мире с 29600 долларов США. Мы находимся в несколько худшем положении, чем такие страны, как Тринидад и Тобаго и Португалия, а непосредственно за Польшей стоят Малайзия и Россия, а также Греция, ВВП которой в текущем десятилетии упал на четверть.

Если мы сравним социально-экономическое состояние с точки зрения индекса человеческого развития (ИЧР), который учитывает не только уровень ВВП на душу населения, но и состояние человеческого капитала на основе уровня образования и здравоохранения, а также неравенства в распределении доходов, картина будет совсем другая. И она, безусловно, более адекватна в отношении оценки реальной социально-экономической ситуации. При таком подходе Польша выглядит намного лучше, занимая с показателем 0,787 28-е место в мире, на этот раз сразу за США, Эстонией и Израилем и перед Южной Кореей, Венгрией и Италией.

Что касается "Стратегии для Польши", то это была комплексная программа, которая вышла далеко за пределы параметров, оцениваемых даже в более сложных показателях, которые были созданы в последующие годы. Однако в то время мы не разработали собственный

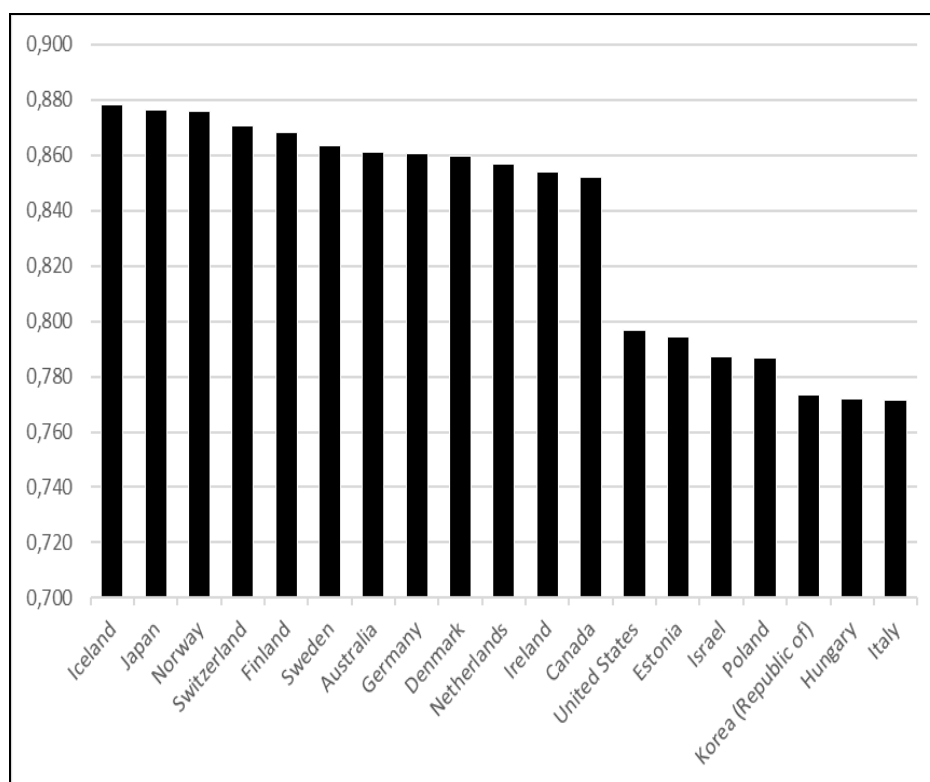

Диаграмма 3. Индекс человеческого развития с учетом неравенства (IHDI2017)

Источник: UNDP.

целостный показатель, так как, с одной стороны, мы использовали подход, отражённый в пятиугольнике макроэкономической стабилизации, а с другой – конкретные оценки выполнения ключевых программ "Стратегии". Фактически таких программ было 14 (Kolodko, 1996):

1. Партнерские рабочие отношения и переговорный механизм регулирования оплаты труда.
2. Реформа системы социального обеспечения.
3. Предотвращение безработицы.
4. Развитие сельских территорий.
5. Инвестирование в человеческий капитал.
6. Управление государственными активами и процессами трансформации собственности.
7. Среднесрочная финансовая стратегия.
8. Развитие и реформа финансового сектора.
9. Обеспечение экономического оборота и поглощение "теневой экономики".
10. Международная конкурентоспособность.
11. Региональная политика.
12. Охрана окружающей среды и устойчивость.
13. Жилищная политика.
14. От ОЭСР до Европейского Союза.

Каждая ключевая программа сопровождалась специальным показателем, так называемым основным критерием реализации, который давал количественную оценку выполнения программы, что облегчало мониторинг прогресса в конкретных областях, где действовала "Стратегия для Польши". Это была значительная институциональная новация, поскольку такой инструмент никогда ранее не использовался в экономической политике. Критерии реализации, принятые в программе, были перевыполнены, а все количественные показатели, определяющие отдельные вершины пятиугольника, начиная со шкалы роста производства в период 1994–97 годов, были превышены.

Стоит рассмотреть и другой подобный пятиугольник – с другим макроэкономическим масштабированием, соответствующим текущим реалиям – применительно к нынешней ситуации. Вершины пятиугольников за каждый рассматриваемый год соответствуют следующим показателям:

- темпы роста ВВП (по оси от 0 до 10),
- уровень безработицы (по оси от 10 до 0),
- уровень инфляции на конец года, с декабря по декабрь (по оси от 5 до 0),
- отношение дефицита бюджета к ВВП (по оси от 5 до 0),
- отношение дефицита текущих операций к ВВП (по оси от 5 до 0).

Таблица

Рост ВВП, инфляция, безработица, сальдо бюджета и текущих операций в 2015–2018 гг., %

	2015	2016	2017	2018
Темп роста ВВП	3,9	2,9	4,6	5,1
Уровень безработицы (на конец года)	9,7	8,2	6,6	5,9
Уровень инфляции (XII/XII)	-0,5	0,8	2,2	1,3
Бюджетный дефицит/ВВП	2,4	2,5	1,3	0,9
Сальдо текущих операций/GDP	0,6	0,5	-0,2	0,4

Источник: Центральное статистическое управление (GUS), и Национальный банк Польши (NBP).

В отдельных случаях – когда в 2015 году не наблюдалось повышения общего уровня цен, поскольку их уровень в декабре снизился на 0,5% по сравнению с декабрем предыдущего года, и когда в 2017 году сальдо счёта текущих операций по отношению к ВВП было положительным (0,2 процента), – на графике эти ситуации были отмечены на уровне 0 и, следовательно, находятся на самом верху пятиугольника.

Каковы результаты сравнения 1994–97 годов с 2015–18 годами? Бесспорно, общая ситуация в течение второго четырёхлетнего периода явно лучше, чем в течение четырёх лет "Стратегии для Польши", но масштаб прогресса по динамике производства заметно выше в первом периоде. ВВП рос гораздо быстрее, в том числе потому, что всё ещё можно было использовать доступные резервы экономического роста, такие как переход рабочей силы из низкопроизводительного сельскохозяйственного сектора в более эффективные промышленные отрасли и услуги.

Добавим, что в последующие годы площадь пятиугольника сократится, поскольку трудно ожидать таких же хороших результатов по темпам роста доходов, занятости, роста цен, а также по сальдо бюджета и текущих операций во внешней торговле и финансах, какие были достигнуты в 2018 году.

Что если...

Существует множество иррациональных идеологически и политически мотивированных мнений о том, что четверть века с 1990 по 2015 годы, по одной версии, была полностью потрачена впустую, и по

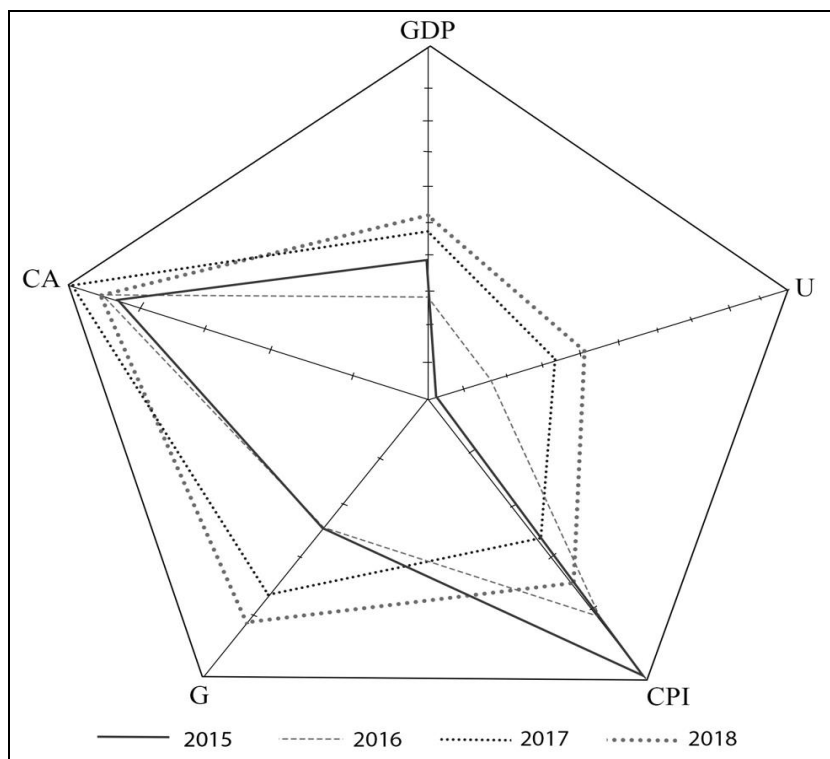

Диаграмма 4. Пятиугольник макроэкономической стабилизации в 2015–2018 гг.

Источник: собственное исследование автора на основе данных GUS и NBP.

другой версии – была очень успешной. Что бы ни было об этом сказано, мы должны признать, что это был очень внутренне разнообразный период. Темпы структурных реформ и создания институтов рыночной экономики были различными, динамика производства, потребления и инвестиций, а также экспорта и импорта в отдельных конкретных подпериодах была различной, и не каждый год и не на каждом этапе вообще достигался какой-либо прогресс. Если мы ограничимся только рассмотрением колебаний динамики ВВП и периодов роста и падения безработицы, легко заметим чередование лучших и худших времен. Также трудно не заметить, что они соответствовали политическим циклам. На этом фоне годы реализации "Стратегии для Польши" выделяются чётко и позитивно: темпы роста существенно ускорились, уровень безработицы значительно снизился.

Интересно, что до сих пор нет единого мнения даже среди профессиональных экономистов, что считать экономическим прогрессом и что означает его отсутствие или даже регресс. Это показывает, что никогда не было полностью ясно, к чему должны вести политическая система и экономические преобразования. Всё должно было быть по-другому и лучше, чем получилось в реальности. Отличия признают все, но многие не согласятся, что что-то стало лучше, потому что это что-то должно было быть "другим по-другому".

Нет сомнений в том, что нынешняя ситуация была бы намного лучше, если бы не было ошибок, допущенных во время преобразований. Многих из них можно было бы избежать, если бы только экономическая политика основывалась на правильных теоретических основах, если бы цели не путали со средствами, если бы групповые интересы преодолевались более действенно, если бы политический класс

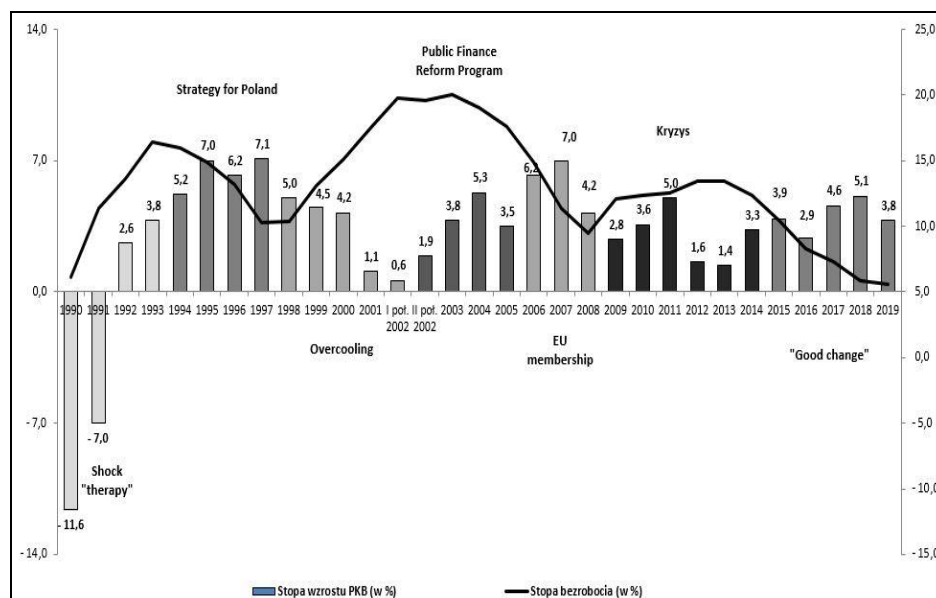

Диаграмма 5. Периодизация 30-летнего периода (1990–2019 гг.)

Источник: Центральное статистическое управление (GUS). Данные за 2019 год согласно государственному бюджету.

продемонстрировал способность к более прагматичным компромиссам, если бы правящие элиты смогли расширить своё восприятие последствий своих решений за пределы привычных им понятий. К сожалению, это было не всегда так, потому что польский опыт последних тридцати лет, и не только он, показывает, что рынок не устраняет нечестность и демократическую глупость.

Особенно дорого обошлись – как в экономическом, так и в социальном плане – ошибки двух четырёхлетних периодов правительств после правления "Солидарности", когда правый популизм и неолиберализм оказывали отрицательное влияние на экономические тенденции. В то время как некоторые экономисты всё ещё пытаются оправдать неудачи "шока без терапии", как было бы более правильно назвать те годы, они однозначно критичны при оценке совершенно избыточного и явно вредного переохлаждения экономики в 1998–2001 годах. Чтобы лучше оценить масштаб ошибок в экономической политике, стоит напомнить, что, несмотря на в целом благоприятные внешние условия для развития, темпы роста были доведены с рекордных 7,5%, которые были достигнуты при реализации "Стратегии для Польши" весной 1997 года, до 0,2% осенью 2001 года.

Мы ещё раз увидели, насколько опасны в экономической политике догматизм и доктринёрство, которые очень сильно присутствовали в ней течение обоих этих периодов. Было наивно полагать, что коалиция AWS-UW, которая победила на демократических выборах осенью 1997 года, значительно изменив риторику, не проведёт никаких значительных изменений в экономической политике и продолжит правильную линию реформ и развития. Если бы это было так, не было бы никакого экономического спада и фактически нулевого роста в конце правления этой коалиции. Чтобы продолжить следовать программе и методу "Стратегии для Польши", требовалось не только иметь правильные убеждения, но также чтобы эти правильные убеждения разделяло большинство, точнее, большинство в правящих органах. Но, к сожалению, это было не так, и для общества и экономики это действительно дорого обошлось.

Альтернативный подход к истории может быть полезным, и поэтому стоит ещё раз рассмотреть, что бы произошло, если... Что бы произошло, если бы эти ошибки не были совершены, если бы экономические процессы в 1990–93 годах и 1998–2001 годах проходили в соответствии с заявлениями политиков, если бы содержание политики стабилизации не было изменено в начале 1990-х годов и экономическая ситуация в конце этого десятилетия не была чрезмерно переохлаждена. В то же время при учёте некоторых дополнительных допущений (Kolodko, 2009) траектория роста национального дохода в течение последних трех десятилетий была бы совершенно иной.

В результате, при практически неизменном количестве населения, ВВП на душу населения в реальном выражении сейчас был бы выше, чем в 1989 году не более чем в два с половиной раза, а почти в четыре раза.

Даже если мы радикально исправим допущения, на которых основаны такие оценки, мы можем предположить, что текущий уровень национального дохода – эта материальная основа благосостояния и качества жизни населения – мог бы уже сейчас быть в три раза выше, чем поколение назад. В такой ситуации Польша находилась бы не между

Малайзией и Португалией, а между такими странами, как Финляндия и Бельгия. В то же время Польша также производила бы не 0,88% валового мирового продукта, а намного больше 1% со всеми последствиями для её международного положения.

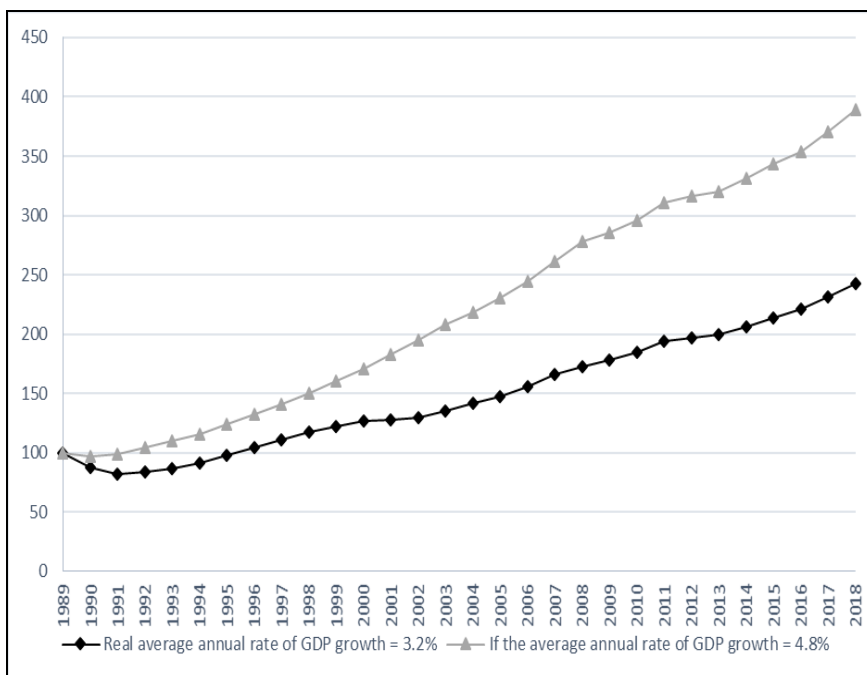

Диаграмма 6. Что если бы... Реальный и гипотетический ВВП 1990–2018 гг.

Источник: данные GUS и собственные расчёты автора (по методологии оценки см. [Kołodko, 2009](#)).

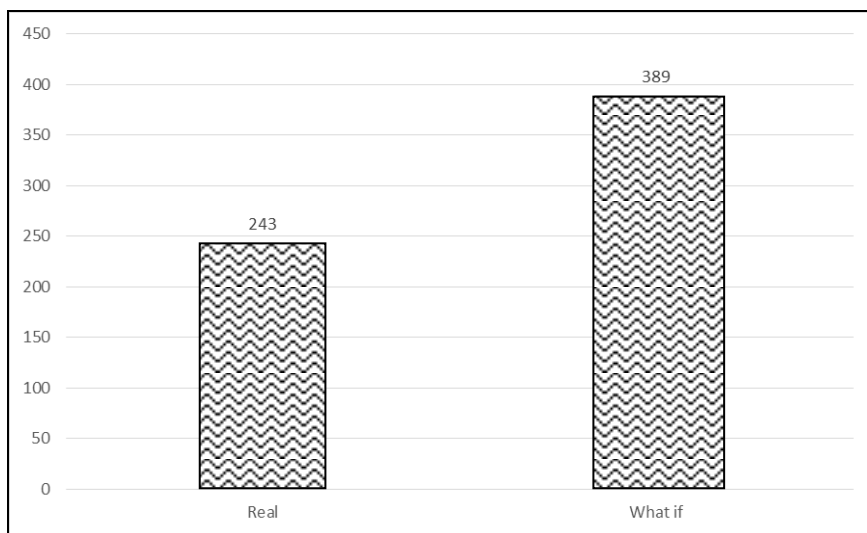

Диаграмма 7. Что если бы... ВВП в 2018 г. (1989 = 100)

Источник: данные GUS и собственные расчёты автора (по методологии оценки см. [Kołodko 2009](#)).

Долгосрочные последствия среднесрочной стратегии

Опыт стран, достигших наибольших успехов в области экономического роста, поучителен. В послевоенный период только с десятка стран имели долгосрочные среднегодовые темпы роста ВВП не ниже 7%. Исследования в области сравнительной экономики показывают, что эти страны отличаются пятью признаками, которые могут считаться необходимыми, хотя и не всегда достаточными для долгосрочного быстрого экономического роста (*World Bank*, 2008). Эти пять функций следующие:

1. Открытость экономики.
2. Макроэкономическая стабильность.
3. Высокий уровень сбережений и инвестиций.
4. Зрелые рыночные институты.
5. Компетентные и решительные правительства.

Безусловно, реализация "Стратегии для Польши" способствовала формированию именно таких особенностей. Экономика становилась всё более открытой благодаря началу процесса интеграции с Европейским Союзом, регулированию внешних финансовых отношений после сокращения на 50% задолженности перед частными коммерческими банками, объединенными вокруг Лондонского клуба, и стандартизации финансовых расчётов с Россией и Китаем, а также после выхода на европейские рынки с первым выпуском облигаций и введения конвертируемости денег на счет движения капиталов. Многое было достигнуто в области макроэкономической стабилизации. Национальные сбережения увеличивались и дополнялись притоком иностранных средств, что расширяло базу для финансирования растущих капитальных расходов. Качественное улучшение рыночных институтов привело к присоединению Польши к ОЭСР в июле 1996 года. Наконец, правительство того времени оказалось достаточно компетентным и решительным для создания социальной рыночной экономики на основе соответствующих структурных реформ и ответственной макроэкономической политики.

Демократия, однако, действует по своим собственным правилам, и, несмотря на экономические успехи четырёхлетнего периода 1994–1997 годов, в последующие годы государство перешло к другому идеологическому и политическому варианту, который некоторые программные направления продолжил, от некоторых отказался и инициировал ряд новых. Как и до этого, при замене правительства нам пришлось сталкиваться со смешением элементов преемственности и изменчивости. В этот раз, к сожалению, в результате слишком мало проблем было решено, и при этом без необходимости создавались новые. Демократия снова сказала своё слово в 2001–05 годах, приведя к власти ту же коалицию, что и в 1994–1997 годах. Это позволило вернуться на путь "Стратегии для Польши" и, по существу, продолжить выполнение программы в начале нового века. Инструментом этой политической линии стала "Программа реформирования финансов Республики Польша" (PNFR).

Некоторые аналитики видят определённую связь между "Стратегией для Польши" и представленной примерно через двадцать лет правительством партии "Закон и справедливость" "Стратегией ответственного развития" (*Strategy*, 2017). В некотором смысле это может быть и так, потому что обе программы – и PNFR между ними – воздерживают-

ся от неолиберализма, обращают внимание на цели социального развития, и обе декларируют, при значительном отличии их политических инструментов, что при правильном подходе к этим процессам, важную роль в них должно играть государство. Однако данные стратегии отличаются друг от друга тем, что если "Стратегия для Польши" – выполнявшаяся в гораздо более сложных внутренних условиях и в то время, когда она должна была помочь вступить в Европейский Союз – была прагматичной и очень открытой в смысле включения страны в процессы глобализации, то "Стратегия ответственного развития" более популистская и иногда дистанцируется от глобализации.

"Программа реформирования финансов Республики Польша" во многих случаях не закрывала сформулированные задачи в конкретные сроки, но оставляла их точку зрения открытой в том смысле, что предлагаемые изменения должны иметь долгосрочный характер и действовать на протяжении длительного времени, часто дольше, чем одна, даже самая плодотворная, парламентская или правительственная каденция. Важной особенностью PNFR было также то, что её сроки включали последние годы институциональной подготовки Польши к вступлению в Европейский Союз и первые годы членства в этой интеграционной группе. Следовательно, в отличие от более ранних этапов структурных реформ и создания рыночных институтов, было меньше простора для компромиссов. Это было обусловлено необходимостью адаптации национальных нормативных актов к требованиям Европейского Союза, в том числе к его базовым правовым принципам (*acquis communautaire*).

В результате на этом этапе преобразований, в 2004 году, был достигнут наибольший институциональный успех системных преобразований, а именно интеграция Польши в Европейский Союз. Этому предшествовали огромные усилия по реформированию, особенно начиная с 1994 года, когда интеграционный процесс вышел на официальный этап и направлялся, и ускорялся уже "в ручном режиме". Польша подала официальную заявку на членство 8 апреля 1994 года. Интересно, что это произошло в Афинах, где девять лет спустя, 16 апреля 2003 года, был подписан один исторический договор, потому что в обоих случаях Греция была председателем Европейского Союза. Что ещё более интересно, условия вступления новых стран в ЕС (ранее, до 1992 года, в ЕЭС) определяются правилами, принятыми в Копенгагене в 1993 году, где также проходил, 12–13 декабря 2002 года, ключевой саммит по расширению ЕС путём включения наиболее передовых по политической трансформации стран Центральной и Восточной Европы⁸. "Стратегия для Польши" сыграла значительную роль в "дисциплинировании" и надлежащем нацеливании структурных реформ, обеспечивших последующее вступление Польши в ЕС, а "Программа реформирования финансов Республики Польша" способствовала успешному завершению этой работы в интересах общества и государства.

⁸ Кроме Польши, это были Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Словакия и Словения, которые официально стали членами Европейского Союза 1 мая 2004 года. Болгария и Румыния были приняты в 2007 году, а Хорватия – в середине 2011 года. Следующие должны ждать – и прежде всего "институционально взростеть" – до второй половины третьего десятилетия 21-го века.

К сожалению, хотя PNFR и поставила такую цель, Польша не смогла получить членство в зоне единой европейской валюты, евро. Возможно, лучшим временем для такой конвергенции был 2008 год. Жаль, но этого не произошло ни тогда, ни десятилетие спустя, и, учитывая текущие условия, особенно политические (Kolodko, Postula, 2018), пока это произойдёт, может пройти ещё одно десятилетие.

По таким фундаментальным структурным изменением, как переход от национальных денег к общей региональной валюте, важно получить поддержку большинства общества. Эта поддержка существовала на рубеже 2007 и 2008 годов, но затем общественное мнение всё больше отдалялось от идеи такой конвергенции. В то время как десять лет назад переход на евро поддержало немного больше половины населения ("определённо да" и "скорее да" ответили 52%), в ноябре 2018 года сторонники конвергенции валют составляли уже только 22%, а противники – целых 71%⁹.

Это серьёзная политическая проблема, поскольку, в соответствии с Афинским договором, определяющим условия членства в ЕС, каждый новый член имеет право и обязан принять евро в качестве своей валюты. Это важно, и для этого есть много экономических причин, но такие серьёзные изменения не должны проводиться против воли общества. Поэтому мы должны изменить эту позицию, убедительно представляя общественности логичные аргументы. Это займет годы, в течение которых, мы надеемся, политические, структурные и институциональные сбои в функционировании зоны единой европейской валюты удастся окончательно преодолеть.

Фактически, мы можем представить себе жизнь без евро в обращении, хотя в "Стратегии для Польши" и "Программе реформирования финансов Республики Польша" были по этому поводу разные

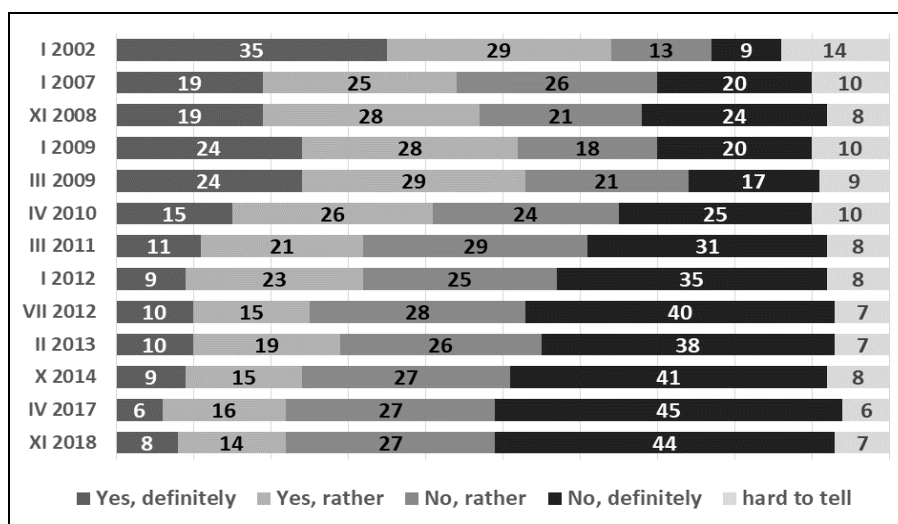

Диаграмма 8. Евро в Польше, Польша в Евро – за и против в 2002–2018 гг.

Источник: Center for Public Opinion Research.

⁹Этот процент иллюстрирует ответ на вопрос "Согласны ли вы заменить польскую валюту (злотый) на общие для многих стран ЕС деньги – евро?"

допущения. Однако для выполнения этой работы отсутствовал пятый из упомянутых выше факторов быстрого и долгосрочного роста, а именно компетентные и решительные правительства. Кроме того, можно иметь конкурентоспособную экономику и без евро. Примеры Дании и Швеции¹⁰ подтверждают это, но это совсем не значит, что они не были бы ещё более конкурентоспособными, например, как Австрия или Нидерланды, если бы у них был евро.

Однако – хотя вопрос остаётся спорным – в отношении новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы экономические и политические аргументы оцениваются адекватно, и они говорят в пользу единой валюты. Разумеется, при условии введения евро в обращение по соответствующему курсу, который обеспечит конкурентоспособность хорошо управляемых предприятий. Это для них особенно важно, потому что малые и средние открытые экономики – а именно такими и являются постсоциалистические страны ЕС – должны придерживаться экспортно-ориентированной стратегии роста.

Выводы. Чисто экономически, задача состоит в создании системы и использовании её политики, которая способствует генерации капитала и его эффективному распределению. Без этого нет инвестиций и технического прогресса, без которого, в свою очередь, нет экономического роста, без которого, соответственно, не может быть ни долгосрочного социально-экономического развития, ни общего прогресса цивилизации. Не переоценивая важность "Стратегии для Польши", следует признать, что она внесла значительный вклад в повышение эффективности финансовых посредников, банков и рынков капитала, в том числе благодаря использованию современных методов надзора, которые способствуют повышению склонности экономических субъектов к сбережению, а в дальнейшем правильному распределению инвестиционных фондов. Может быть, нам ещё не удалось создать полноценную, глобально конкурентоспособную социально рыночную экономику, но мы, конечно, и не создали олигархическую коррумпированную экономику государственного капитализма. Это больше, чем просто много ...

В то время элементы экономической теории, на которые опиралась описанная выше экономическая политика, понимались в очень широком смысле, точно их никто тогда не определял, но сегодня можно видеть, насколько эта политика соответствовала тому подходу, который сейчас известен как новый прагматизм (Baltowski, 2017). Гетеродоксия, междисциплинарные направления экономического и социального анализа, расширение временного горизонта, построение инклюзивных институтов, экономическая умеренность, оценка поведенческих аспектов развития, а также забота о тройном сбалансированном развитии – экономическом, социальном и экологическом – таковы основные атрибуты нового прагматизма. Можно сказать, что в значительной степени данное направление в экономической науке основано на практическом опыте и теоретических дискуссиях, сопро-

¹⁰ Швеция, как и все постсоциалистические страны-члены ЕС, имеет договорное обязательство по введению евро, а Дания является единственной страной (за исключением выходящей из ЕС Великобритании), которая не имеет такого обязательства.

вождающих польские системные преобразования, происходящие в условиях необратимой глобализации (Kolodko, 2014b). Если это так, то это, безусловно, является важным последствием программы "Стратегия для Польши" также и для других стран, а для самой Польши – полезной подсказкой и на сегодня, и на будущее.

Поступление в редакцию 21.06.2019

POST-COMMUNIST TRANSITION TO MARKET AND DEMOCRACY. THE LESSONS FROM THIRTY YEARS OF POLISH EXPERIENCE

Grzegorz W. Kolodko

Author affiliation: Grzegorz Wytold Kolodko is head of the research institute "TIGER" (Transformation Integration and Globalization of Economic Research) at Kozminski University.

The idea of a strategy suitable for Poland's transition to a market system was shaping for many years. At the same time, the specific "Strategy for Poland" - a multi-level program of dynamic socio-economic development, embedded in the system of institutions of social market economy and structural reforms as a response to the challenges of globalization - arose quickly enough, at the turn of 1993-94. It was a medium-term program, which, however, also included many long-term challenges. The formulated conclusions ("diagnosis") under the conditions of sustainable development and the definition of its long-term goals were largely correct, and most of the proposals made a quarter century ago concerning structural reforms and institutional changes, as well as the determinants of internal and external development, remain valid even now.

This applies in particular to such large-scale topics as the need for a social market economy or the competitiveness of enterprises in a context of openness for contacts with the outside world. And also to such important issues as beneficial integration with the European Union or the reform of the social security system, and a number of specific issues that include effective financial supervision or the development of a knowledge based economy. The critical importance for further sustainable and balanced development consists in justifying economic policy on the basis of sound economic theory, and, in this context, some fresh ideas can be taken from the concept of a new pragmatism.

Key words: post-socialist transformation; real socialism; social market economy; economic policy; development strategy.

JEL: E00, O11, P20, P26, P30.

References

1. Aslund, A. (1995). *How Russia Became a Market Economy*, The Brookings Institution, Washington, DC.
2. Bałtowski, M. (2017). Evolution of economics and the new pragmatism of Grzegorz W. Kolodko. *TIGER Working Papers Series, Kozminski University, Warsaw*, 136.
3. Castels, F. (1978). *The Social Democratic Image of Society. A study of the Achievements and Origins of Scandinavian Social Democracy in Comparative Perspective*. Routledge, London.
4. Csaba, L. (2005). *The New Political Economy of Emerging Europe*, Akadémiai Kiadó, Budapest.
5. Dornbusch, R., Edwards, S. (1989). Macroeconomic Populism in Latin America. *NBER Working Paper*, 2986. doi: <https://doi.org/10.3386/w2986>

6. Frydman, R., Kolodko, G.W., Wellisz, S. (1991). Stabilization Policies in Poland: A Progress Report, in: Exchange Rate Policies in Developing and Post-Socialist Countries, Claassen E-M. (ed.). International Center for Economic Growth Publication, ICS Press, San Francisco.
7. Ellman, M., Gaidar, E.T., Kolodko, G.W. (1993). Economic Transition in Eastern Europe. Blackwell, Oxford, U. K. and Cambridge, USA.
8. Iversen, T. (1998). The choices of Scandinavian social democracy in comparative perspective. *Oxford Review of Economic Policy*, 14(1). doi: <https://doi.org/10.1093/oxrep/14.1.59>
9. Kolodko, G.W. (1989). Reform, Stabilization Policies and Economic Adjustment in Poland. United Nations University World Institute for Development Economics Research (WIDER), Helsinki.
10. Kolodko, G.W. (1994). The Vishegrad Economies in Transition: The Comparative Perspective of the Macroeconomic Stabilization Pentagon. *Herr H., Tober S., Westphal A. (eds.), Macroeconomic Problems of Transformation. Stabilization Policies and Economic Restructuring*, Edward Elgar, Aldershot.
11. Kolodko, G.W. (1996). Poland 2000. Strategy for the Future. Poltext, Warszawa.
12. Kolodko, G.W. (2000). From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford University Press, Oxford and New York.
13. Kolodko, G.W. (2002). Globalization and Catching-up In Transition Economies. *University of Rochester Press*, Rochester, NY and Woodbridge, Suffolk, UK. doi: <https://doi.org/10.2139/ssrn.312147>
14. Kolodko, G.W. (2009). A two-thirds of success. Poland's post-communist transformation 1989-2009. *Communist and Post-Communist Studies*, 42(3). doi: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2009.07.005>
15. Kolodko, G.W. (2011). Truth, Errors and Lies. Politics and Economics in a Volatile World. *Columbia University Press*, New York. doi: <https://doi.org/10.7312/kolo15068>
16. Kolodko, G.W. (2014a), *The New Pragmatism, or economics and policy for the future*, "Acta Oeconomica", 64(2). doi: <https://doi.org/10.1556/AOecon.64.2014.2.1>
17. Kolodko, G.W. (2014b), *Whither the World: The Political Economy of the Future*, Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire. doi: <https://doi.org/10.1057/9781137470256>
18. Kolodko, G.W., MacMahon, W.W. (1987), *Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach*, "Kyklos", 40(2). doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1987.tb02671.x>
19. Kolodko, G.W., Nuti, M.D. (1997), *The Polish Alternative. Old Myths, Hard Facts and New Strategies in the Successful Transformation of the Polish Economy*, WIDER, Helsinki.
20. Kolodko, G.W., Postula, M. (2018). Determinants and Implications of the Eurozone Enlargement, *Acta Oeconomica*, 68(4). doi: <https://doi.org/10.1556/032.2018.68.4.1>
21. Konstytucja. (1997). *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r.*, Kancelaria Sejmu, Warszawa [in Polish].
22. Koźmiński, A.K., Noga, A., Piotrowska, K., Zagórski, K. (2015). Operationalization and Estimation of Balanced Development Index for Poland 1999-2016. *Statistics in Transition*, Autumn. doi: <https://doi.org/10.21307/stattrans-2015-026>
23. Ost, D. (2005). Defeat of Solidarity: Anger and Politics in Postcommunist Europe. *Cornel University Press*, Ithaca, NY.
24. Phillips, A.W. (1958). The Relationship Between Unemployment and the Rate of Change of Money Wages in the United Kingdom in 1861-1957. *Economica*, 25(100). doi: <https://doi.org/10.2307/2550759>

25. Piatkowski, M. (2018). *Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland*, Oxford University Press, Oxford. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198789345.001.0001>
26. Poznański K.Z. (1997). *Poland's Protracted Transition: Institutional Change and Economic Growth 1970-1994*, Cambridge University Press, Cambridge, Mass. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549458>
27. Prescott, E.C. (2019). *Letter to Professor Grzegorz W. Kolodko*, January 25th. Retrieved from http://www.pte.pl/pliki/2/1/prescott_list.pdf.
28. Rosati, D. (1994). Output Decline during Transition from Plan to Market. *Economies of Transition*, 2(4). doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.1994.tb00126.x>
29. Sachs, J. (1993). *Poland's Jump to the Market Economy*. MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England. doi: <https://doi.org/10.7551/mitpress/5430.001.0001>
30. Strategia. (2017), *Strategia na rzecz Odpowiedzialnego Rozwoju do roku 2020 (z perspektywą do 2030 r.)*, Urząd Rady Ministrów, Warszawa [in Polish].
31. Williamson, J. (1990). What Washington Means by Policy Reform. *Williamson J. (ed.), Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Institute for International Economics*. Washington, DC.
32. Williamson, J. (1992). *The Eastern Transition to a Market Economy: A Global Perspective*. Centre for Economic Performance, London.
33. Williamson, J. (2005). Differing Interpretations of the Washington Consensus. *Leon Kozminski Academy of Entrepreneurship and Management (WSPiZ) and TIGER Distinguished Lectures Series*, 17.
34. World Bank. (1993). *The East Asian Miracle. Economic Growth and Public Policy*. The World Bank, Oxford University Press, New York.
35. World Bank. (2008). *The Growth Report. Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development*. The World Bank, Washington, DC. doi: <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-7491-7>